

Русские тетради

Историко-политические анализы и комментарии

№ 37. Буэнос-Айрес, август 2017. XI год издания.

Метаморфозы демократии

Ученик:

Но ведь понятия в словах должны же быть?

Мефистофель:

Прекрасно, но о том не надо так крушиться:

Коль скоро недочет в понятиях случится,

Их можно словом заменить.

Словами диспуты ведутся,

Из слов системы создаются;

Словам должны вы доверять:

В словах нельзя ни йоты изменять.

(Гёте, «Фауст», часть 1, сцена 5-ая).

Метаморфозы политических понятий

Все современные научные дисциплины широко пользуются терминологией, заимствованной из древних греческого и латинского языков. При необходимости создания новых научных терминов, таковые тоже весьма часто образуются с помощью греческих слов и корней. В области политических наук, большинство терминологии прямо взято с греческого и с латинского языков. Такая практика часто ведет к неточностям и конфузиям при дискуссиях на политические темы. Причем дело даже не в самих переводах древних терминов на современные языки, а в частых изменениях их изначальных понятий и определений и в переменах их понимания, произошедших уже в глубокой древности. Для краткой иллюстрации таких метаморфоз можно отметить изменения смысла выражений *тиран*, *деспот*, *диктатор* и *автократор*. А затем перейти к описанию метаморфоз до сих пор самого популярного древнего выражения: **демократия**.

Слово «**тиран**» (τύραννος) не является греческим, а малоазиатским, по-видимому анатолийским или лидийским титулом, возможно хеттского происхождения. Первым известным в истории тираном был Гиг (Гигес) лидийский, из династии к которой затем принадлежал известный тиран Крёз. Гиг вступил на трон около 680 года до Р. Х. Это был титул частично соответствующий греческому титулу «**василевс**», который принято переводить на русский язык, как «**царь**», хотя лучше было бы – «князь». В Древней Греции первоначально титул «тиран» иногда был почти синонимом титула «василевс», что сказалось и в некоторых русских переводах. Например, название трагедии Софокла Οἰδίπους τύραννος (Эдипус тираннос) обыкновенно переводят как «Царь Эдип», а не как «Тиран Эдип». (На испанский язык это название переводят как Edipo rey).

Тиран Эдип, несмотря на его трагическую судьбу, был порядочным и хорошим правителем, судя по описанию его личности. В связи с этой темой, весьма интересен анализ, сделанный французским социологом и философом Мишель Фуко, трагедии Софокла «Царь Эдип», в его цикле лекций в Колледже Франции (Collège de France), в 1970 и 1971 годах. Согласно этому анализу, благоденствие в государстве зависит от **гармонии человеческих законов государства с божественными законами** и от **господства справедливости в государстве**. Справедливость, в свою очередь, зависит от **исторической истины**, каковую правители обязаны искать и находить. Трагедия царя Эдипа заключалась как раз в поисках этой исторической истины, даже во вред самому себе. В конечном итоге, эти поиски привели Эдипа к самоослепению. Никакого эротического влечения к своей матери у него не было, как это почему-то утверждал Фрейд, ибо его народ города Фивы вынудил венчаться на ней, когда ни он сам ни народ не знали, что это его мать. Да и особенного стремления к власти у Эдипа тоже не было, ибо к власти он пришел по инициативе народа и следуя народной воле. Так, Эдип стал правителем города, с традиционным в этом городе титулом тирана, но, когда он узнал правду о своем происхождении, он сам ослепил себя и отказался от власти. Очевидно, что в данном случае, его титул тирана не соответствовал современным определениям.

В малоазиатской Греции, где зародилась греческая философия, в большинстве греческих полисов тоже были правители с этим титулом, но их трудно классифицировать в одной группе с современными тиранами. В Великой Греции, и особенно в Сицилии, правители имели титулы тиранов, даже в случае наследственных монархов, как в Сиракузах, но из этого не следовала автоматически их принципиальная отрицательность, как правителей. Иллюстрацией этому являются тираны Сиракуз Дионисий Старший и его сын Дионисий Младший, описанные Платоном в его «Письмах из Сицилии». Из этих описаний явствуют их весьма различные профили, как правителей. Однако, в Материковой Греции, и особенно в Афинах, титул тирана уже тогда имел ясно выраженный отрицательный характер.

Интересно, что и в Этрурии, между реками Тибром и По, титул тирана тоже был хорошо известен, хотя официально и не употреблялся, ибо этруски пользовались своей собственной терминологией. Однако, они были сильно приобщены к греческой культуре и мифологии и находились под значительным влиянием греческих концепций и моделей. Этруская семья Тарквиниев, давшая Риму трёх царей, вела свое происхождение из Греции, из Коринфа. Итальянский этрусколог Марио Торелли предполагает, на основании археологических данных, что в Этрурии их городские царьки эволюционировали из «бызилевсов» в «тираны» тогда, когда они перестали быть религиозными авторитетами и сохраняли лишь политическую власть. Можно добавить, что в Афинском полисе пошли еще дальше, и эту политическую власть разделили на части. Так, в Афинах базилевсы (цари) сперва стали в 1068 г. до Р. Х. единоличными пожизненными архонтами (буквально: начальниками), потом, с 753 года, архонтами, выбираемыми на десять лет, затем, с 682 года, на один год, когда число архонтов было утроено. Наконец, к трём годовым архонтам еще было добавлено шесть младших годовых архонтов. Возможно, что любая попытка повернуть вспять такую эволюцию власти в полисе и снова её сконцентрировать в одном человеке, клеймила этого человека архаичным титулом тирана. Не василевса, ибо один из трёх старших архонтов продолжал имел титул василевса, с задачей заботиться о всех религиозных церемониях афинской демократии и председательствовать в Ареопаге Афин, где заседали все бывшие архонты.

В современном мире титул тирана имеет общепринятый отрицательный характер. Очевидно, что определение его смысла **зависит от мировоззренческо-политической модели, в рамках которой он применяется**, как и вообще в случае большинства политических терминов.

Слово *деспот* в древнегреческом языке было образовано с помощью корней «демс» (дом) и «потес» (власть). Его можно буквально перевести, как **«домохозяин»**, по-сербски «домачин» (*домаћин*), а по латыни *dominus*. При этом, нужно иметь ввиду, что это слово

связано по смыслу с рядом слов выражающих «прием гостей», как в русском слове «*господин*». Гос-под-ин происходит от индоевропейского *hosti-pot-s*, буквально «властитель чужого» или «властитель гостей», по-немецки *Gastherr*, или *Herr des Fremden* (Немецкий этимологический словарь: Duden, *Herkunftswörterbuch der Deutschen Sprache*). Корень «гос» присутствует также и в латинских словах *hospes*, *hostis*. Значит, по своему первоначальному смыслу, выражение *деспот* значит **гостеприимный домохозяин**. В Средние Века, в Сербии и Греции титул *деспота* часто употреблялся вместо славянского титула князь, а в Валахии и Молдавии употреблялся славянский титул *господарь*.

В Православной Церкви титул *деспот* употребляется до сих пор, наряду со его славянским переводом – *владыка*. Когда мы в Храме поем «*ис полла эти деспота*», это значит, что мы желаем «*многая лета гостеприимному домохозяину*», каковым в Церкви является Архиерей, согласно Канонам Вселенских Соборов.

После Французской Революции, выражению деспот часто стали придавать значение «*злого и жестокого*» правителя. Эта интерпретация является частью современных идеологических конструкций.

Слово **диктатор** в буквальном переводе на русский язык значит – **повелитель**. Эти слова происходят от глаголов «**dictare**» и «**велеть**», совмещающих смысл понятий «**говорить**», «**предписывать**» («**диктовать**»), со смыслом понятий «**хотеть**», «**желать**», «**высказывать свою волю**». Слово диктатор также соответствует частично английскому слову «**спикер**». По-видимому, латинские племена в Италии, еще до основания Рима, «диктатором» называли своих **народных вождей**, ибо именно в таком смысле трактуется этот титул в Римской Республике: *magister populi*. После учреждения Римской республики в 753 году до Р. Х., в течение двух с половиной веков возглавлявшейся семьёю царями, титул «диктатора» **не употреблялся**. Вся власть принадлежала царю (рексу), а в его отсутствие его помощнику и заместителю – «префекту всадников» (*praefectus equites*). После замены в 510 году до Р. Х. одного пожизненно выбираемого царя двумя ежегодными «верховными предводителями» (буквально «*верховными пред-идущими*», *praetor maximus*), затем называемыми «консулами», титул «диктатора» снова всплывает и становится важным **республиканским титулом** в Римской республике, со строго определёнными функциями. В моменты чрезвычайной опасности, любой из двух консулов мог самовольно и единолично назначить любого сенатора, который до этого уже был консулом, «**вождём народа**» (*magister populi*), также называемого «диктатором» (*dictator*), на время ограниченное сроком функций назначающего консула, но не более, чем на шесть месяцев. Во время такого публично объявленного **чрезвычайного положения**, все остальные магистраты (сановники) республики должны были подчиняться **единоличной власти диктатора республики**, в том числе и сам назначивший его консул. По истечении такого чрезвычайного диктаторского срока, в республике автоматически восстанавливалась власть консулов. При установлении императорской власти, титул диктатора стал одним из многих пожизненных титулов императора.

В рамках катаклизмов, возникших в результате Французской революции, в XVIII веке произошел ряд грубых искажений в области исторически устоявшейся общественно-политической терминологии, в том числе и по отношению к выражению *диктатор*. Затем, в рамках «Социалистического интернационала», возникло новое выражение: «**диктатура пролетариата**». Согласно Марксу, «**диктатура пролетариата должна предшествовать окончательному историческому этапу**». Исходя из первичного смысла этих двух латинских слов, такое выражение абсурдно. Диктатура – это сумма действий **единоличного правителя**, а не власть колоссальной безличной массы людей. Кроме того, диктатура – это власть **ограниченная во времени**, а не вечная власть пролетариата, которая должна «окончательно восторжествовать», до самого **конца истории**. В течение четырёх с лишним веков Римской республики, диктатура была ограничена **сроком в шесть месяцев**, а затем **сроком жизни одного человека**. Диктатура не была революционной, а **законной властью, законно назначенной предшествовавшей ей законной властью**. Посему, диктатура, по своему первоначальному определению, отнюдь

не является результатом революционного разрыва с предыдущей легитимностью, а, наоборот, **чрезвычайным средством для спасения** этой самой легитимности.

Выражение «**диктатура пролетариата**», являющееся одним из краеугольных камней одной современной идеологии, состоит из двух исторических римских терминов на латинском языке, точный смысл каковых никак не может подлежать никакому сомнению, ибо доподлинно определён множеством исторических документов. Однако, несмотря на это, коренной смысл этих двух древних политических терминов существенно искажен в данной формуле этой идеологии. В самой среде социалистического интернационала, поначалу существовали сомнения по отношению к применению этого термина. В «Готскую программу» оно не было включено, что критиковалось самим Марксом. Однако оно было включено Плехановым в его первый проект «программы-максимум». Известный немецкий социалист Эдуард Бернштейн даже считал, что «**диктатура пролетариата**» может означать только одно – «**диктатуру клубных ораторов и литераторов**». Более меткое определение затем дал Иван Солоневич: «**диктатура импотентов**».

В политических словарях, изданных при коммунизме, слово «диктатор» определяется как «**лицо, обладающее неограниченной властью и осуществляющее единоличное управление**». Однако «диктатура пролетариата» определяется затем как «**политическая власть рабочего класса**», а не как власть одного лица. Сам же пролетариат определяется как «**самый передовой и революционный класс буржуазного общества**», причем «его наиболее сознательным и передовым отрядом являются коммунистические и рабочие **партии**, стоящие на платформе марксизма-ленинизма». (Краткий политический словарь», М., Политиздат, 1969).

Слово **автократор** первоначально было титулом **главнокомандующего вооруженными силами Афинской демократии**. Оно употреблялось также и в смысле «полномочный», например в случае дипломатических послов. Некоторые авторы применяли этот греческий титул для обозначения римских императоров и диктаторов. Затем, это был один из титулов византийских василевсов. В России этот титул впервые применяет Святой Владимир, в переводе на русский язык *самодержец*, а затем и другие великие князья, до Татарского ига. После прекращения платежа дани татарам, этот титул впервые снова применяет великий князь Иван III, что говорит о его понимании в смысле «**независимый**», «**суверенный**».

Древние метаморфозы понятия «**демократия**»

Выражение «**демократия**», как известно, образовано из двух древнегреческих слов: **демос** и **кратос**. **Кратос** обыкновенно переводится как **власть**, но это слово имеет также и несколько схожих значений: **сила**, **крепость** и даже «**державность**» («автократия» = самодержавие). Слово **демос** в этом контексте обыкновенно переводят, как «**народ**». Таким образом, слово демократия переводится на русский язык, как «**народовластие**».

«*Демос, это территориальное подразделение и народ этого подразделения, от корня δη, δαίωμα, разделяю*». (Итальянский этимологический словарь древнегреческого языка: Vocabolario Greco antico. Renato Romizi, Bologna 2001). Этимологически слово **демос** (δημος) происходит от глагола **делить**, разделять (δη, δαίωμα, δαιεσται) и обозначает «подразделение», «отделение», «часть», «удел», «доля», «приход», «округ», «волость», «община», «поселение», а не только «народ». (В испанском языке слово pueblo тоже обозначает одновременно «народ» и «поселение» или «населённый пункт»). Корень этого слова индоевропейский и сохраняется в русских словах: **делить**, **доля**; в немецких словах Teil, teilen; в английском слове deal.

В греческом языке было несколько слов для обозначения разных оттенков понятия «**народ**». Кроме выражения **демос**, были в широком употреблении слова: **этнос** (нация, народ), **лаос** (люди), **полис** (политическая община народа), **плефос** (толпа, множество, плебеи), **охлос** (чернь). Все эти слова имеют этимологически разные корни, но

воспринимались они зачастую более или менее как синонимы. Особенно близкими по смыслу были слова демос, плефос и охлос.

Как известно, Аристотель установил **шесть абстрактных форм** политических режимов: **три правильные формы** и **три извращения** этих правильных форм. Для этого он формулирует соответствующую политическую **терминологию**, которая сохраняется практически неизменной и до наших дней. Самый выпуклый, ясный и краткий вариант этой классификации Аристотеля гласит следующим образом: «*В первом исследовании различных государственных форм, мы различили **три правильных строя** («орфас политияс»): монархия, аристократия и полития («василиан, аристократиан, политиан»), и **три отклонения** («пареквасеис») от них: тирания от монархии, олигархия от аристократии и демократия от политии («тираннида мен василиас, олигархиан де аристократиас, демократиан де политеас»»». (Аристотель. **Политика**, 1289 а, 25).*

После Французской революции, в некоторых переводах Аристотеля стали **заменять латинское слово «республика», обозначающее «политию», то есть третий хороший режим, греческим словом «демократия», у Аристотеля обозначающее извращение этой самой политии, то есть наименее плохого из трёх плохих режимов**. Затем такая подмена стала распространяться и на переводы на другие языки, и в наши дни стала общепринятой. Таким образом, один из извращенных (плохих) политических режимов был переклассифицирован как хороший режим.

Термин *демократия* возник в Древней Греции, по-видимому, в Афинском полисе, образовавшемся в середине второго тысячелетия до Р. Х., в рамках крито-микенской культуры. Около 1200 года, Афинский полис, по-видимому, добился своей независимости, когда, согласно легенде о Минотавре, Тесея, являвшийся сыном афинского царя Эгея, освободил Афины от уплаты дани минойской монархии на Крите. Тесея затем был тринадцатым по счёту василевсом (царём) из числа двадцати царей Афин, частично легендарных и полумифических. Значит, после Тесея в Афинах было еще семь царей. Тесею приписывается также и объединение Афин с соседними двенадцатью деревенскими поселениями Аттики. По-видимому, при этом учредительном акте, который сами афиняне называли «**синекией**» (сожительством), произошло частичное восстановление домикенских (индоевропейских) соборных политических структур.

Аристотель утверждает, что именно при Тесее в Афинах **впервые политически проявляется народный элемент**. Так начинается **преодоление предыдущей крито-микенской монархии в Афинах**, которая хотя и была частично ограничена аристократией, без участия народных элементов, однако не сохраняла ни духа ни формы исконного индоевропейского политического строя, имевшего родовой характер. Аристотель говорит об этом событии в четвёртом фрагменте его «Афинской конституции»: Тесея «*был **первым, кто склонился к охлосу** (*αλεκλίβε προσ τον οχλον*) и **отменил монархию**, что, по-видимому, свидетельствует также и Гомер, который в списке кораблей **называет демосом** (*δεμον*) только афинян*». В данной фразе *демос* отождествляется с *охлосом* (чернью), а под монархией подразумевается абсолютная монархия микенской политическокой модели, ибо Тесея и после этого «упразднения монархии» продолжал быть греческим василевсом. Что точно подразумевается под афинским *демосом* во времена Троянской войны сегодня сказать трудно, но нельзя упускать из виду, что наличие демоса в этой фразе приписывается только лишь Афинам и могло обозначать участие не только греческого меньшинства этого полиса в троянском походе, но также и тогда туземного большинства пеласгов в Афинах. Так что, это первое упоминание демоса может иметь скорее этнический, чем политический характер.

Приблизительно через сто лет после Тесея и легендарного освобождения Афин от уплаты дани Криту, около 1150 – 1100 годов в Греции повсеместно наступает **крах крито-микенской модели**. Согласно Арнольду Тойнби, это произошло в основном по причине чрезмерных **милитаризма и бюрократизма** крито-микенских структур, не выдержавших натиска новой волны греческого племени дорийцев, ворвавшихся с севера, поле чего в Греции наступают т. н. «**тёмные века**». Тойнби считает, что, во время этих тёмных веков,

Греция **забывает чужие и начинает возрождать свои собственные модели и политические формы** и возвращаться на свои собственные пути, не отбрасывая при этом огульно все чужие достижения, но перерабатывая некоторые из них на свой лад. Благодаря этому, считает Тойнби, при выходе из этих тёмных веков, в Греции начинается её самый блестящий период: период **классической эллинской культуры**. (Arnold Toynbee, *The Greeks and their Heritages*.)

Первоначальная монархическая демократия

Аристотель описывает в «Конституции Афин» одинадцать конституционных реформ в Афинах, первые из которых были направлены на восстановление и развитие соборного строя и на предотвращение возможных политических и социальных потрясений.

Первой такой реформой было учреждение должности **полемарха-архонта** (**воеводы**, буквально – военачальника, соответствующего префекту конницы в Риме и тысяцкому в Новгороде), первоначально в качестве первого помощника царя (архонта-василевса). Такая важная роль **военного вождя** становится одной из главных характеристик афинской демократии. В последний период существования Афинского полиса, **военный вождь становится первой фигурой афинской демократии**.

Затем учреждается должность **третьего архонта**. Со временем, этот третий архонт становится первым архонтом, **с титулом архонта-эпонима**, т. е. дающего свое имя году. Титул царя (**архонта-василевса**) сохраняется для второго архонта, без каких-либо особых политических или военных функций, кроме председательства в Аеропаге и возглавления религиозных жертвоприношений и обрядов. Третьим архонтом становится полемарх. Этот порядок рангов между тремя старшими архонтами в будущем снова меняется. Под конец афинской демократии, первым архонтом становится полемарх, архонт-василевс продолжает быть вторым архонтом, а архонт-эпоним становится третьим. Все отслужившие свой срок архонты становятся членами **совета старейшин** (сената), заседающих на **Ареопаге** (холме бога войны Ареса), напротив Акрополя, под председательством архонта-василевса.

Таким образом, первой конституционной демократической реформой Афинского полиса было **учреждение военной власти**, ставшее началом создания **тройственной верховной власти** афинской демократии (политической, религиозной и военной), олицетворяемой тремя старшими архонтами, при содействии шести младших архонтов. (Архонт буквально значит «начальник», но южные славяне этот титул обыновенно переводили как «князь»).

Вторая конституционная реформа в Афинах была реализована в 624 году архонтом Драконом, который создал первое письменное уголовное законодательство, всенародно опубликованное, с жестокими наказаниями за уголовные преступления, и особенно за воровство, что затем было отличительным признаком афинской демократии. (Воровство каралось смертной казнью, сбрасыванием вора со скалы в море, дабы не осквернять афинской земли его трупом).

Третью конституционную реформу совершил архонт Солон в 594 до Р. Х. Она имела своей целью восстановить и утвердить в Афинском полисе **политическую и социальную справедливость между богатыми и бедными**, к тому времени нарушенную. Эта третья (вторая писаная) конституция Афин была написана и обнародована архонтом Солоном в течение одного года, по заказу всего полиса. Солон можно считать главным учредителем **первоначальной афинской демократии**, ибо он установил и подтвердил ряд её коренных конституционных норм: Все граждане полиса могут участвовать в процедурах выбора и назначения по жребию должностных лиц в государстве, но **не все могут быть выбранными или назначенными** на все государственные должности, ибо это зависит от их квалификации и от исполнения ими своих политических обязанностей. Не все сыновья граждан полиса являются автоматически его гражданами, ибо для этого они должны кончить курс одной из афинских гимназий и отбыть двухлетнюю воинскую повинность.

Солон покончил с родовым строем, разделив всех граждан на **четыре разряда**, независимо от их принадлежности к одному из четырех первоначальных племён (фил), объединение каковых привело к созданию Афинского полиса, более чем четыре века до него. Формально, это новое разделение Солона было сделано лишь в зависимости от годовых **доходов** граждан, но по сути, оно было **функциональным (служебным)**, главным образом с **военной**, а вследствие этого и с политической точек зрения. К первому разряду были отнесены все те граждане, годовой доход которых соответствовал стоимости не менее чем 500 мер («медимн») ячменя (1 медимна = 52 литра). Из их состава выбирались 9 архонтов и члены ареопага (сената). Ко второму разряду населения были отнесены все граждане, имевшие доход не менее 300 медимнов. Они должны были служить в коннице, ибо могли содержать своего коня. К третьему разряду были отнесены все те, чей доход составлял не менее 200 медимнов. Они служили в пехоте и должны были иметь, за свой счет, полное тяжелое вооружение. В четвертый разряд были включены все те, чей доход был еще меньше и кто земли не имел совсем. Они лишь имели право участвовать в общем народном собрании и в суде присяжных (платном). В соответствии с этими категориями выдвигались кандидаты на должности в полисе, из числа каковых затем определялся путём жребия тот или иной сановник Афинского полиса.

Афинский полис именно с этого периода **начинает принимать демократический характер**, как утверждает Аристотель в своем описании этой реформы Солона. (Аристотель. Афинская конституция, 7 и 8). Солон сильно облегчил старые долги бедняков и запретил впредь давать им в долг под гарантию личной свободы должника. Ранее проданных в рабство афинских должников он выкупил за счёт государственной казны. Солон особенно выражает свою радость по поводу **возвращения на свою родину афинских эмигрантов**, вынужденно покинувших её из-за их задолженности. Кроме того, он **привёл в порядок афинскую систему мер, весов и денег**, каковая затем немало способствовала стабильности и популярности афинской валюты в Древнем Мире. За эти реформы, в древности Солона считали одним из семи мудрецов мира.

Значит, **первые конституционные реформы** в Афинах были проведены с целью достижения **военной, юридической и социальной устойчивости**. С тех пор, стремление к **устойчивости в государстве** считалось древней греческой политической наукой главной целью правильной политики. Это была афинская первоначальная **монархическая демократия**, каковую Платон считает одним из немногих реально возможных оптимальных видов политических режимов. Иван Солоневич употребляет выражение **народная монархия**. Во всяком случае, это – **первая модель первой демократии в мире**. Все позднейшие варианты являются метаморфозами этой первой модели, метморфозами иногда до неузнаваемости.

Подлинная демократия демосов

Приблизительно через 90 лет после Солона, в 508 году, новый вождь Афинского полиса архонт Клисфен произвёл **пятую реформу** афинской конституции. (Четвёртую реформу произвёл тиран Писистрат, незадолго до Клисфена). Вместо **четырёх старых фил** (племён, в Новгороде называвшихся концами), в свое время образовавших Афинский полис, Клисфен учредил **десять новых фил**, но уже не по родовому, а по чисто **территориальному (земскому)** признаку. Теперь филы составлялись не из родов, а из отдельных **«демосов»**, то есть **территориальных подразделений** (приходов, уездов, уделов). Демосы теоретически приравнивались в военном отношении к **сотням** вооруженных граждан. Десять демосов образовывали одно из десяти племён (фил), одновременно являвшимся одной из десяти тысяч (полков). Во главе демосов или сотен стояли димархи, а во главе фил или тысячь – стратеги, а главнокомандующим был полемарх, иногда величаемый «автократором», главой Афинской демократии.

Значит, в **каждую филу** (племя) **входило 10 демосов**, так что всего было 100 демосов. (Это число демосов затем увеличилось, почти вдвойне, в зависимости от общего количества граждан). В свою очередь, в каждый демос входили совместно богатые и

бедные, знатные и незнатные граждане, жившие **по соседству**, числом от 100 до 500 граждан (всех жителей, включая женщин, детей, рабов и иностранцев, в каждом демосе было приблизительно в десять раз больше). От каждой филы входило, по жребию, в Совет Афинского полиса по 50 граждан, каковой посему стал называться «Советом Пятисот», вместо предыдущего «Совета Четырёхсот», когда от каждой из четырёх первоначальных фил в Совет входило по 100 представителей. Демосы выбирали путём **жребия** из своего состава по одному кандидату в архонты, но **только из числа граждан, принадлежащих к первому классу**. Из всех 100 кандидатов от всех 100 демосов затем назначалось путём жребия 10 архонтов, сроком на один год. Никто не мог быть архонтом во второй раз, прежде чем все граждане не побывали на этом посту, за исключением полемарха.

Благодаря этим реформам Клисфена от 508 года, конституция (полития) Афинского полиса **«стала демократичнее»**, утверждает Аристотель. Она обрела свою характерную основную структуру, а также и свое идеологическое и терминологическое определение: **демократический строй**, то есть **земский общинный строй**, в котором **первичное выдвижение кандидатов** на государственные должности происходило, путём жребия, в избирательных округах, каковыми были **территориальные подразделения**, называемые **демосами**. (В Новгороде демосы назывались «улицами», а филы – **концами**). В Афинской Демократии по жребию назначалось около 1000 сановников, включая членов Совета Пятисот, а около ста сановников выбиралось голосованием, главным образом для военных и финансовых должностей, из военных и зажиточных родов. (Сановники, заведующие финансами полиса, должны были быть в состоянии ответить своим имуществом за свои растраты и промахи).

Эти конституционные реформы Клисфена можно считать **кульминацией** положительных процессов развития **первой демократии в мире**, хотя, строго говоря, они были **первой метеморфозой** её первоначальной модели, метаморфозой положительной. Они подвели **организационный** фундамент под этот новый, смешанный государственный строй Афин, который мы сегодня называем **«афинской демократией»**. **Кандидатуры** на политические должности в Афинах **выдвигались исключительно «демосами»**, путём жребия. **Демократический суверенитет принадлежал демосам** и не отчуждался в пользу партий или иных корпораций и за ними стоящих гласных и негласных структур. Реформы Клисфена развили и довели до максимума демократический элемент в Афинском полисе. Однако, несмотря на это, в нём **продолжали сохраняться и другие элементы полиса**, так что соборный смешанный строй тоже сохранялся.

Больше того, Аристотель отмечает, что во время военной катастрофы, в результате нашествия персов, через тридцать лет после Клисфена, в Афинах все растерялись, кроме Ареопага. Аристократический Ареопаг, под монархическим председательством василевса-архонта, тогда взял инициативу спасения в свои руки и призвал демократический «плефос» (толпу) занять свои места гребцов на военных кораблях, под аристократическим командованием. Ареопаг даже оплатил из своих средств эту службу гребцам. Афинский военный флот (вместе с союзниками около 350 кораблей) тогда одержал полную победу у острова Саламины в 480 году над персидским флотом (от 600 до 800 кораблей), и Греция была спасена. Аристотель пишет, что Ареопаг этим еще больше увеличил свой авторитет, хотя и толпа (у Аристотеля «плефос», иногда «охлос», но редко «демос») тоже сохраняла свое влияние (и доходы) в рамках демократии: **«Итак, полис прогрессировал доселе вместе с демократией, развиваясь постепенно. После персидских войн снова стал преобладать и управлять полисом Ареопаг, без необходимости для этого никакого декрета, потому, что он был зачинщиком морского боя у Саламины. Ибо, когда стратеги, в отчаянии от положения, возвестили, что каждый должен пытаться спастись в одиночку, Ареопаг добыл и роздал восемь драхм каждому, и посадил их на судна. По этой причине все признали достоинство Ареопага, и тогда афиняне были очень хорошо управляемы»**. (Конституция Афин, 23). Значит, пока все составные элементы соборного строя находились в симфонии между собой, дела всего полиса шли хорошо. Когда же какой-нибудь из этих составных элементов начинал стремиться к абсолютной гегемонии,

начиналось вырождение всего строя, в конечном итоге кончавшееся его гибелью, в том числе и гибелью элемента, стремившегося стать абсолютным.

Крайняя демократия

В 497 году призошла очередная конституционная реформа: архонтов можно было выбирать не только из первого, но также и из второго класса граждан. Это была принципиально важная метаморфоза, открывавшая дорогу дальнейшим мутациям афинского политического строя. Одновременно, должность полемарха, возглавлявшего полковых стратегов, стала первенствующей в Афинском полисе: **полемарх-архонт стал первым архонтом**. Другими словами, **президентами Афинской демократии с этого года могли быть только лишь военные, из военного сословия**.

В 478 году был учреждён Афинский морской союз. Афины стали ведущей державой в Греции. Еще больше увеличилось значение «плефоса» («плебса»), т. е. граждан неимущего четвёртого класса, поставляющего оплачиваемых **гребцов для афинского флота**, состоящего из многочисленных трирем (трёхвесельных кораблей). Согласно предположениям, Афины в момент своего расцвета имели не менее 200 трирем, приблизительно почти по 200 гребцов каждый, в своем большинстве самого низкого четвёртого класса, значит всего около 40.000 человек. Плефос стал социологическим базисом афинской демократии.

В 462 – 458 годах происходят дальнейшие конституционные реформы в Афинах, ведущие к установлению **«крайней (εσχάτησ) демократии»**, согласно определению Аристотеля (Политика, 1312 в, 36). Аристотель считает, что «крайняя демократия» равнозначна тирании, что уже утверждал Гесиод. (С помощью слова «εσχάτησ», эсхатес, образовано выражение «эсхатология»). Сильно урезаются права Ареопага (Сената), который сохраняет за собой лишь уголовную юрисдикцию для особо тяжких преступлений, но теряет все свои политические функции. Остальные судебные дела подлежат суду присяжных поверенных, из граждан неимущих классов, ежедневно заседающих за денежное вознаграждение. Архонтов впредь можно выбирать также и из третьего класса граждан, кроме первого архонта-полемарха, который должен, как и прежде, принадлежать к военному сословию.

Все эти реформы на последнем этапе афинской демократии привели к **нарушению соборности** в государстве. Плефос (толпа) не только стал главным элементом в государстве, но практически его **единственным** ведущим элементом. Смешанный политический строй, постепенно восстанавливавшийся в Афинах в течение многих веков, оказался практически ликвидированным **в пользу одного из его элементов**, добившегося не только своей политической гегемонии, но практически также и **монополии**. Все другие государственные элементы были оттеснены. Монополия политической власти привела к политическому краху. Так Афины перестали быть *политией*, в рамках каковой органически развивалась демократия, и превратились в **абсолютную, крайнюю демократию**. Однако, только **соборное государство** («полития» с монархом или без него) может обеспечить в своих рамках на длительный срок также и **подлинную демократию**, правда не абсолютную и не крайнюю, но **ограниченную** другими элементами власти: **«Олигархия и демократия даже могут быть приемлемыми, хотя они и являются отклонениями от лучших режимов, однако если доводить до крайности ту или другую, то их строй начнет ухудшаться и кончится тем, что он вообще перестанет быть строем»**. (Аристотель, Политика, 1309, в).

Можно отметить, что в рамках этих отрицательных социологическо-политических метеморфоз и процессов, происходило также и частичное восстановление отрицательных аспектов прежнего крито-микенского режима, как, например, чрезмерная бюрократизация и милитаризация, при нарушении экономической разумности. Наступила необходимость военных авантюр и грабежа других стран. Для этого, возникла нужда в нарушении закона, а затем возникла новая, не соборная и не легитимная форма закона: *«Одной из форм*

демократии является такая демократия, в которой все граждане участвуют в правлении, но **верховная власть принадлежит закону**. В другой форме демократии **верховой властью является сама толпа** (плефос), а не закон. Это происходит там, где главенство принадлежит декретам, а не закону. **Это происходит по вине демагогов...** Где закон не обладает авторитетом, там нет политики. **Закон должен стоять выше всего**, а сама политика и её сановники должны решать только лишь частные случаи. Если демократия является одной из форм правления, и если она будет организацией, в которой всё решается путём декретов, она **не будет настоящей демократией**, ибо ни один декрет не является **соборным**» (καθολου, **кафолу**, т. е., «**кафолическим**», всеобщим, универсальным). (Аристотель, Политика, 1292 а).

Аристотель считает, что «писанные законы» («ката граммата номой») должны опираться на «**нравственные законы**» («ката то этос номой»), ибо «**нравственные законы важнее писанных, и касаются вещей более важных**» (Политика, 1287 в). Фундамент, на котором покоятся писанные законы, является **многолетним отстоем** верований, нравов, обычаев и традиций, **не подвластных прихотям очередных законодателей**. Это затем выразил Гораций: «**законы без нравов напрасны**», предвосхищая нашу русскую поговорку: «**где добры в народе нравы, там хранятся и уставы**». Таким образом, писанные законы являются **соборными и подлинно демократическими законами** только лишь тогда, когда они вытекают из общего соборного согласия (консенсуса большинства и меньшинства) современников и предков, и когда они уходят своими корнями в традиционную нравственную почву своего народа. Государства, с конституциями и законами, санкционированными лишь случайными и относительными большинствами, согласно Аристотелю, не являются «настоящими демократиями».

Современные метаморфозы демократии

Под покровом этой благородной идеи в общественное сознание было спущено порочное утверждение всего низкого и подлого.

Ортега-и-Гассет. «Болезнетворная демократия».

После полного краха Афинской демократии, вследствие её поражений в спровоцированных ею войнах со Спартой и Сиракузами, и после окончательной потери независимости Афин, их включением в Македонскую Монархию в 338 году до Р. Х., идея демократии, понимаемой под видом её последней метаморфозы в афинскую «**крайнюю демократию**», надолго стала непопулярной. В конституции США и в первых конституциях других американских государств это выражение вообще не употребляется. Английский политолог Роберт Мосс утверждает, что эта непопулярность продолжалась чуть ли не до конца XIX века. Это не совсем так, ибо уже идеологические агитаторы Французской революции стали упорно искажать переводы греческих определений демократии Аристотеля, Платона и других древних авторов, меняя и даже частично фальсифицируя греческую терминологию. Эти искажения и фальсификации затем были переняты с французского в современные языки, особенно в популярных изданиях. Так возникли идеологические предпосылки для современных новых метаморфоз демократии.

Однако, несмотря на это, **первоначальная идея** политического строя афинского полиса, в состав которой входила также и идея демократии, в синтезе с идеями монархии и аристократии, еще до этого распространилась по всему миру, благодаря Александру Великому и, возникшей в результате его походов, эллинистической цивилизации. Правда, еще до него, в этрусской и римской Италии эта идея тоже расцвела, под, затем ставшей универсальной, формой римского муниципия. Комбинация этих двух цивилизационных новаций затем распространилась по всему миру, поначалу благодаря экспансии Римской Империи. Так возник **новый вид** большого государства, чью основную идею можно резюмировать, как попытку **синтеза** между маленьким греко-италийским полисом и

территориально большими государствами Востока. В примечании № 50 испанского философа Юлиана Мариаса к его переводу на испанский язык «Политики» Аристотеля подчеркивается, что *«вся политическая проблема Древнего Мира заключалась в переходе от государственной формы полиса к другой форме, не сводящейся к городу, но при сохранении его действительных политических форм, сиречь его конституции, а не только к расплывчатой социальной действительности, называемой греками этносом»*. В результате, эллинистические, а затем римские имперские территории **покрылись сетью полисов** или, по-римски, муниципалитетов, в имперских рамках. Эта характеристика политических структур, основывающихся на такой глобальной **«муниципальной сети»**, продолжает с тех пор быть, в значительной мере, актуальной и до наших дней. Современные демократии, однако, унаследовали лишь частично эту идею полиса-муниципия, ибо в основном они ведут свое происхождение от системы уступок варварских завоевателей римских провинций своим сподвижникам, главным образом в государствах Франков в Норманнов. Эти уступки выражались в основном в учреждении постоянных собраний феодалов, для апробации новых налогов в пользу их сюзеренов. Эволюция этой системы, в комбинации с толкованиями сторонников французской революции, привели, в течение веков, к современной модели неолдемократий.

Неолдемократии являются политическими режимами, в которых государственная власть должна быть формально разделена на исполнительную, законодательную и судебную власти, что полностью противоречит теории и практике афинской демократии, а также и Римской Республики. Исполнительная власть должна быть избрана на ограниченный срок, а законодательная власть может быть частично избрана и пожизненно, в одну из законодательных палат, если она состоит из двух палат. Судебная власть в принципе может не избираться, а быть назначенной совместно исполнительной и законодательной властями. Идея разделения власти на несколько частей была высказана впервые английским философом John Locke (1632 – 1704). Окончательную форму, этой идее разделения власти придал известный французский политический мыслитель барон Шарль де Монтескье (Charles Louis de Seconda, Baron de La Brède et de Montesquieu, 1689 - 1755), в своей программе **политического либерализма**. (Монтескье. *О духе законов*.)

Монтескье дает теоретическое обоснование не только для окончательного подрыва т. н. «старого режима», но и **для ослабления и раздробления** всякой **политической власти в будущем**, перед лицом новой, не раздробляемой и единой, монолитной и монопольной **капиталистической финансовой власти**. В этом и заключается **квинтэссенция либерализма: экономическая мощь при политической немощи**. Монтескье ясно формулирует **две главные идеи** своей системы политического либерализма: 1. Существуют три вида власти. 2. **Народ, как таковой, сам по себе не в состоянии «обладать» ни одним из этих трех видов власти.**

Эта последняя метаморфоза демократии является по существу окончательным разрывом с оригинальной версией демократии и началом новой серии неолдемократий. **Расщепляя** государственную власть на несколько частей, и ставя эти части в **равновесие** между собой (наподобие шлагбаума или лифта и их противовесов), вся политическая власть приводится в такое состояние, что ею могут довольно легко и скрытно **манипулировать другие** (не публичные) **факторы мощи**. Значит, эта метаморфоза лишает новые республики также и публичности, т. е. их специфической сути.

Второй проект Монтескье позволяет **легитимировать узурпацию** народной власти, как в либеральных, так и в социалистических государствах. Монтескье утверждает, что *«народ не обладает способностью разбирать дела и поэтому необходимо, чтобы народ делал посредством своих представителей то, что он не может делать сам»*. (Эта идея лежит в основе той части конституции США, в которой предписывается процедура выборов президента США специальными избирателями). Вообще, *«законодательная власть народа в массе невозможна в больших государствах, и имеет много неудобств в малых»*. Исходя из этой предпосылки, развились либеральные и социалистические

представительные системы, и даже такие политические структуры, как «**советы рабочих и солдатских депутатов**».

Центральная идея политического либерализма, подробно разработанная Монтескье в его труде «О духе законов», вращается вокруг попытки создания такого государственного строя, в котором можно было бы **обезвредить и ослабить государственную власть**, путем её разделения на части, по функциям, с помощью специально для этого написанных конституций и законов. Сам **народ не должен принимать прямого и полного участия** ни в одной из отдельных властей, но все власти будут действовать **его именем**. Монтескье утверждает, что «**народ не способен; это и является как раз одним из наибольших недостатков демократии**».

Современная демократия это такой политический режим, в котором главной политической целью является **достижение большинства голосов на выборах**, являющихся единственным политическим моментом с участием народа. Причём эти выборы не обязательно ведут к **отбору лучших** и самых компетентных граждан для управления государством, как это было установлено и регламентировано в Римской Республике. Даже в Афинах система назначения по жребию статистически обеспечивала лучший отбор правителей, чем современные выборы, ибо таковые сегодня зачастую ведут к антиселлекции. Эта **современная метаморфоза демократии** не имеет ничего общего с оригинальной демократией, в которой выборы применялись лишь для назначения менее чем десяти процентов высоко специализированных политических сановников, в то время как все остальные назначались по жребию. В Римской республике выборы являлись лишь предварительной рекомендацией «популуса» для назначения магистратов, рекомендации требующей затем еще и аппробации Сената. Вступление на власть консулов совершалось *де юре* в момент их назначения предыдущим консулом, ибо в Республике легитимной была лишь та власть, которая была персонально назначена и рукоположена предыдущей властью. По-латыни это называлось *манус даре*, а по-гречески *хиротония*.

Испанский философ Хосэ Ортега-и-Гассет в свое время выдвинул предположение, что современная универсальность современной модели демократии была вызвана главным образом необходимостью подведения общего минимального идеологического знаменателя под разношерстную коалицию времен Второй мировой войны, состоявшую из капиталистических США, коммунистического СССР, монархической Англии, республиканской Франции и националистического Китая Чан-кай-шека. Другой испанский философ, Юлиан Марияс утверждал, что этот общий расплывчатый идеологический знаменатель (в конечном итоге сводящийся к ритуалам голосования) с тех пор применяется всеми государствами входящими в ООН. Все государства, являющиеся членами ООН, *ипсо факто* считаются формально демократическими, утверждал Марияс в ряде своих статей в буэнос-айресской газете *Ля Насион* много лет тому назад. Некоторые государства даже употребляют этот термин в своих именах, как это делает *Корейская Народно-Демократическая Республика*. (В данном случае, выражение «народ» употребляется три раза, ибо в слове *республика* тоже присутствует его латинский корень). Эта последняя метеморфоза понятия *демократии* до сих пор является самой фантастической.

Перманентно обеспечить на практике достижение большинства голосов на выборах тоже оказалось весьма сложным. Посему были придуманы соответствующие методы для преодоления такой трудности. В результате, почти вся государственная деятельность в неodemократиях в конечном итоге в основном сводится к выборам и к их подготовке, а затем, зачастую, и к оправданию или к оспариванию их результатов. Кроме того, другая основная характеристика современной метаморфозы демократии заключается в выборах по спискам кандидатов, которые в большинстве случаев требуют колоссальных расходов, с широким применением коммерческих приемов пропаганды и маркетинга, ничего общего с политическим представительством не имеющих.

Если единственным условием для достижения власти являются выборы, то естественно, что для успеха на выборах будет сделано всё возможное и невозможное. При

этом, сами выборы и подготовительные к ним процессы циклически повторяются через короткие промежутки, например в Аргентине и США каждые два года, так что правители и законодатели больше заняты выборами, чем управлением. Как говорят, самым важным условием для того, чтобы стать президентом современной демократии, необходимо в первую очередь уметь быть выбранным, а лишь затем уметь хорошо управлять государством. В результате, получается, что современные демократии потворствуют демагогам, а не опытным правителям, что благоприятствует возникновению широко разветвлённой повальной коррупции, и даже nepотизма, особенно в тех странах, в которых не существуют или были уничтожены предыдущие социально-политические структуры. Горькими примерами этому служат недемократические системы в большинстве новых государств Африки и Латинской Америки.

Эти современные демократические метаморфозы в конечном итоге ведут к абсурдным aberrациям, как, например, в случае систематической повальной коррупции в Бразилии, главным образом на верхах исполнительной и законодательной властей, не только для обогащения политиков, но и для необходимого функционирования самой избирательной системы, требующей колоссальных средств. Недавно были опубликованы предположения об общей сумме коррупции на верхах политических структур Бразилии за последние десятилетия, выражающиеся не в миллионах, а в миллиардах долларов. Аналогичные размеры коррупции в последнее время приписываются в печати также и предыдущим аргентинским режимам. Недавно, один видный африканский политик заявил, что коррупция в африканских демократиях за последние десятилетия превысила размеры суммы всех международных планов помощи этим странам за это время.

Положительной реакцией несомненно являются попытки судебных властей в некоторых странах (властей **не избираемых**, а назначаемых), как-то сопротивляться этим процессам вырождения. Первой страной, где это произошло, была Италия, где движению судей «мани пулите» (чистые руки) удалось ликвидировать полностью две самые влиятельные итальянские политические партии христианских демократов и социалистов, уличив многих из их вождей в систематической коррупции. В Бразилии тоже происходят аналогичные процессы. Не только удалось удалить с президентского поста Дильму Руссеф, но были воздвигнуты обвинения и против предыдущего президента, а также и против назначенного парламентом вместо неё нового президента. Однако, парламент отклонил небольшим большинством просьбу прокуратуры лишить иммунитета нового президента, который после этого заявил, что восторжествовало «демократическое государство».

Очевидно, что исторический пробег современных моделей демократий подходит к своему неизбежному концу. Уже Аристотель подметил, что эти процессы естественно чередуются. За вырождением, часто наступает возрождение, с помощью циклического **возврата к хорошим моделям**, при известных новациях. В противном случае, неизбежно наступает конец всего пробега, как в Афинах, что Аристотель мог лично наблюдать. +

(Примечание: Вопросы, связанные с афинской демократией, анализируются подробно в статьях «Первоначальная демократия», в «Русских тетрадах» № 12, и «Зарождение и развитие демократии в Афинах» в «Русских тетрадах» № 14).

Буэнос-Айрес, август 2017 г.

И. Н. Андрушкевич

Русские тетради. Историко-политические анализы и комментарии.

№ 37. Буэнос-Айрес, август 2017 года. XI год издания. Издается на правах рукописи.

Издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич. Электронный адрес: kadetpismo@hotmail.com

При использовании и перепечатке материалов ссылка на источник обязательна.

Все предыдущие номера помещены на блоге: <http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar>